

Когда Шэнь Цинчжоу вернулся к месту битвы, сражение уже завершилось.

Цай Бинь пал от меча Лю Бэя, лишившись головы, и лишенные предводителя воины начали один за другим складывать оружие. Потеряв всякую надежду, они безропотно сдавались в плен; вскоре по приказу Фэн Цуньчжи их увели под усиленный караул.

Когда Шэнь Цинчжоу утащил враг, больше всех — не считая, конечно, Лю Бэя — извелась от тревоги Цинь Сыминь со своими людьми. И лишь теперь, завидев его целым и невредимым, они наконец смогли вздохнуть с облегчением.

— А-Чжоу!

Полупрозрачный призрак Лю Бэя, чей облик ниже пояса уже почти полностью растаял в воздухе, казался, тем не менее, бодрым. Заметив Шэнь Цинчжоу, он еще издали приветливо замахал рукой.

Оба духовных меча — Тысяча Огней в Шатрах и Гора в Десять Тысяч Жалоб — уже вернулись к своей хозяйке, Дунфан Цзе. У принцессы оставалось множество неотложных дел, поэтому она ушла первой, поручив своей верной телохранительнице Су Пинь сопровождать мастеров семьи Цинь, чьи заслуги в этой битве были поистине велики.

Шэнь Цинчжоу спрятал Меч Влекущий Тень в ножны. Он светился теплой, искренней радостью.

— Господин!

Услышав это обращение, Лю Бэй на мгновение замер. Он посмотрел на юношу, словно не веря собственным ушам.

Еще в царстве Шаохао Шэнь Цинчжоу уже называл его так, однако Лю Бэй прекрасно уловил разницу в интонации.

Прежние слова были скорее уступкой обстоятельствам или же просто данью вежливости, попыткой утешить угасающую, дряхлую душу.

Но теперь все было иначе.

В этом «господин» звучала неподдельная искренность. Шэнь Цинчжоу признал его своим владыкой всей душой, безраздельно и навсегда.

Лю Бэй завороченно смотрел, как статный юноша в темных одеждах, чье одухотворенное лицо дышало благородством, неторопливо приближается к нему, ступая по земле, на которую вновь

опустилась тишина после недолгой кровавой бури.

И лишь когда этот прекрасный, словно сошедший с картины небожитель склонился перед ним в глубоком поклоне, Лю Бэй очнулся от оцепенения и поспешил протянуть руку, чтобы поднять его.

— Как же ты похож на Кунмина... — Лю Бэй мягко улыбнулся, и морщины на его лице пошли волнами, словно рябь времени на воде. — Не будь ты столь отличен от него чертами лица, я бы непременно решил, что предо мной стоит его племянник или сын.

Шэнь Цинчжоу тоже улыбнулся, но в его улыбке сквозила легкая грусть:

— Господин, позвольте мне первому поздравить вас с грядущим воссоединением с близкими. — Он ненадолго замялся, а затем добавил: — И передайте от меня поклон господину чэнсяну и остальным.

Лю Бэй на миг опешил, а затем от души хлопнул его по плечу и раскатисто, весело рассмеялся.

К ним уже приближалась Цинь Сыминь, ведя за собой Цинь Тяньцэ. Позади них робко семенил Тань Ци. Шэнь Цинчжоу внимательно осмотрел юношей и, убедившись, что никто из них серьезно не пострадал, с облегчением шагнул им навстречу.

Увидев, что его господин вернулся целым и невредимым, Тань Ци шумно выдохнул, прижав ладонь к груди. К его бледному лицу наконец-то вернулись краски.

Цинь Сыминь сохраняла свое обычное, каменное выражение лица. Крепко удерживая Цинь Тяньцэ за рукав, она бесцеремонно вытолкнула недоумковатого брата вперед, прямо к младшему шишу, и сухо потребовала:

— Объясни.

«Что именно?» — Шэнь Цинчжоу недоуменно взглянул на племянницу, а затем перевел взор на Цинь Тяньцэ.

К его глубокому изумлению, во взгляде юноши, который прежде всегда казался мутным и отсутствующим, теперь светилась живая, ясная мысль, а в осанке сквозила горделивая, юношеская удаль.

Почувствовав на себе пристальный взгляд Шэнь Цинчжоу, Цинь Тяньцэ слегка смутился и неловко переступил с ноги на ногу.

— Тяньцэ? — Шэнь Цинчжоу изумленно выдохнул и в мгновение ока оказался рядом. — Ты...

неужели ты...

Юноша неловко усмехнулся и почесал затылок:

— Ну да. Похоже, больше не дурак.

С этими словами на его глаза внезапно навернулись слезы. Смахивая их рукавом, он всхлипнул:

— Мой разум пребывал во тьме целых восемнадцать лет, я не ведал, что творю в подлунном мире. Но ныне, волею небес, я обрел себя. Это величайшая милость.

Шэнь Цинчжоу удивился такой перемене, но искренне обрадовался за юношу:

— Раз уж твой разум прояснился, твоя недюжинная сила больше не пропадет втуне. Глава семьи и старейшины будут вне себя от счастья, когда узнают об этом!

Цинь Сыминь согласно кивнула, полностью разделяя его чувства.

— И все же, Тяньцэ, как случилось, что разум твой столь внезапно исцелился? — любопытствовал Шэнь Цинчжоу.

Цинь Тяньцэ в замешательстве коснулся лба — там красовалась свежая, наливающаяся багровым синяком ссадина, из которой все еще сочилась кровь.

Жест говорил сам за себя.

— Да какая разница! — беззаботно вмешался Тань Ци. — Главное, что наш Тяньцэ поумнел, разве это не чудо? Готов поспорить, ему просто прилетело по голове. И удар пришелся под таким удачным углом, с такой силой и в такой момент, что у него в мозгу разом все шестеренки на место встали!

Шэнь Цинчжоу усмехнулся и кивнул:

— Что ж, звучит вполне разумно.

«Кажется, поверили», — Ли Шиминь незаметно выдохнул, чувствуя, как уходит напряжение.

Тем временем к ним поспешно направилась Су Пинь. Пока родственники беседовали, она деликатно держалась в стороне, но теперь вид у нее был крайне озабоченный, словно у нее были важные известия.

Торопясь, Су Пинь неосторожно наступила в лужицу крови и с тихим писком брезгливо отпрянула.

Посмотрев под ноги, она увидела простертое тело одного из павших мятежников. Не долго думая, она уперлась черным кожаным сапогом в его мундир и брезгливо обтерла подошву о мертвую плоть.

Приведя себя в порядок, Су Пинь с достоинством подошла к собравшимся и чинно поклонилась каждому по очереди:

— Император Чжаоле, старшая мисс Цинь, глава павильона Шэнь, молодой господин Цинь, страж Тань.

— Приветствуем, госпожа Су, — вежливо отозвались они.

— Ее Высочество принцесса просит вас подойти, — сообщила она.

Услышав это, Тань Ци вжал голову в плечи и испуганно прошептал Шэнь Цинчжоу:

— Глава павильона... это же сама принцесса!

— Ну да. И что с того? — не понял тот.

— Да так... просто я впервые вижу столь важную особу лицом к лицу. Коленки дрожат.

— Со временем привыкнешь, — усмехнулся Шэнь Цинчжоу. — И поймешь, что у всех этих великих людей точно так же по два глаза и по одному носу. Они ничем не отличаются от нас с тобой.

Не успел он договорить, как позади раздался громогласный, искренний смех.

Обернувшись, Шэнь Цинчжоу увидел, что Лю Бэй буквально заходится от хохота, зажмурив глаза от удовольствия.

— Что вас так насмешило, господин? — удивленно спросил Шэнь Цинчжоу.

— Пустяки, пустяки... — Лю Бэй смахнул выступившую от смеха слезу. — Просто я вдруг понял, как сильно вырос наш А-Чжоу. Нет, не так. Ты вырос уже давным-давно, просто мы этого не замечали.

Его голос был полон светлой грусти, а очертания призрачного тела сделались еще более

прозрачными и зыбкими.

Казалось, лишившись земных привязанностей и тревог, его душа была готова окончательно покинуть бренный мир и раствориться в предвечном небе.

Шэнь Цинчжоу переменился в лице, он посмотрел с печалью:

— Господин...

— Ну-ну, брось! Что за мина, будто я прямо сейчас выпускаю дух! — Лю Бэй попытался дружески похлопать его по плечу, но бесплотная ладонь скользнула сквозь тело юноши. Ничуть не смутившись, призрак спокойно убрал руку назад.

Цинь Тяньцэ и Тань Ци тоже знали о судьбе Лю Бэя. Младший из них во все глаза смотрел на легендарного правителя. Когда он некогда воплотился в образе Лю Шаня, Лю Бэй уже давно покоился в могиле, так что для Ли Шиминя эта встреча фактически была первой.

Куда больше Ли Шиминя поражало другое: история этого мира пошла по совершенно иному руслу! Здесь действительно не слышали ни о династии Суй, ни о Тан, ни о Сун.

Зачем же небеса забросили его в эти края? Не находя разумного объяснения своим бесконечным перерождениям, он мог лишь беззвучно сетовать на непостижимую волю судьбы.

Тань Ци же, будучи парнем простым, сгорал от благоговения и восторга. Он не смел даже заговорить с Лю Бэем, робея поднять на него взгляд, и лишь про себя подмечал, что великий Сюаньдэ разительно похож на актера из старого сериала «Троецарствие», который он смотрел еще до своего попадания в этот мир.

«Жаль, что Чжугэ Лян не дожил до наших дней», — мысленно вздохнул Тань Ци. По правде говоря, великого стратега он почитал куда больше, чем самого императора.

Пробираясь среди тел и обломков оружия, они направились навстречу принцессе Чандин, Дунфан Цзе. Она уже успела смыть с лица дорожную пыль и гарь битвы и теперь, раздавая короткие указания стражам, неторопливо шла им навстречу.

— Ваше Высочество.

— Принцесса.

Поскольку никто из них не состоял на государственной службе, их поклоны вышли довольно нескладными и неровными. Шэнь Цинчжоу даже пришлось легонько надавить Тань Ци на спину, чтобы тот вовремя согнулся в почтительном поклоне.

Облик Дунфан Цзе вновь обрел величие и царственность, подобающие принцессе Великой династии Цянь. Оба меча теперь покоились за ее спиной, а когда рассеялся грозный дух воительницы, она засияла чистотой и величием, подобно луне и солнцу посреди ясного неба.

— Отправляясь в путь, я желала сохранить тайну своего пребывания и не привлекать лишнего внимания, — мягко произнесла принцесса, призывая их выпрямиться. — Но не думала, что потревожу покой мастеров семьи Цинь и окажусь в столь бедственном положении, из которого вам пришлось спасти меня ценой собственных жизней.

— В Книге Песен сказано: «Кто бросил мне айву, тому в ответ я шлю драгоценный нефрит». Но то, чем наделила меня семья Цинь, превосходит любые дары, и этот долг невозможно покрыть золотом или самоцветами. Коль на то будет ваша воля, я со своей стороны приложу все усилия, дабы узы дружбы между нами никогда не ослабли.

Тань Ци мысленно покачал головой. «Сразу видно — царская кровь. Говорит так витиевато, что аж голова кругом идет», — подумал он с невольным восхищением.

Однако остальные по достоинству оценили изящество и мудрость ее речи.

Прежде всего, принцесса подчеркнула, что путешествовала инкогнито и встретилась с адептами Цинь на Высокой горе Тяньтай совершенно случайно. Это избавляло семью от любых подозрений в шпионаже или заговоре против короны.

Одной этой оговоркой она заранее оградила клан от возможных наветов и обвинений со стороны придворных завистников.

Во-вторых, сравнив себя с «белым драконом в обличье рыбы, угодившим в чужую сеть», она тонко намекнула на то, что пострадала от рук низких предателей. Тем самым она окончательно закрепила вину за Цай Бинем, лишив его звания канцлера и вычеркнув из числа благородных мужей еще до официального суда.

Подобная решимость ясно давала понять, что перед ними не просто хрупкая дева, а властная правительница, способная карать и миловать своей рукой, и с ней следовало считаться.

И наконец, она открыто признала неоценимые заслуги клана Цинь и выразила готовность покровительствовать им, при этом не навязывая свою волю силой.

О щедрости же обещаемой награды и говорить не приходилось — принцесса Чандин славилась тем, что никогда не оставалась в долгу.

Формально главой присутствующих мастеров оставалась Цинь Сыминь, однако светская беседа была для нее невыносимым бременем. Поэтому переговоры взял на себя Шэнь Цинчжоу — как один из доверенных лиц клана.

Возможно, дело было во влиянии Книги Гор и Морей, но Шэнь Цинчжоу питал к Дунфан Цзе искреннее расположение. Тем не менее сейчас он выступал от имени всего своего рода и обязан был выторговать для него наилучшие условия, отринув любые личные симпатии.

Шэнь Цинчжоу не обладал врожденной дипломатичностью своего шисюна Цинь Жуя, способного угодить любому собеседнику, однако за долгие годы жизни в ордене успел набраться житейской мудрости.

Сейчас было не время для долгих споров, так что он ограничился парой скромных и вежливых фраз, отложив обсуждение подробностей до тех пор, пока не уляжется пыль после недавних потрясений.

После короткого обмена любезностями Дунфан Цзе скользнула взглядом по своей спутнице:

— Чжаньмэй, проводи уважаемых мастеров в лагерь, пусть они отдохнут.

Затем она повернулась к Лю Бэю и Шэнь Цинчжоу:

— Император Чжаоле, глава Шэнь, прошу вас пройти со мной.

Получив приказ, Су Пинь увела Цинь Сыминь и остальных в укрытие. Дунфан Цзе же, отослав личную охрану подальше, медленно побрела вдоль склона холма в сопровождении Шэнь Цинчжоу и Лю Бэя.

— Глава Шэнь, я заметила, что вы несколько раз порывались что-то сказать, но сдерживали себя, — негромко промолвила Дунфан Цзе. — Хотите поделиться тем, что не предназначено для чужих ушей?

— Именно так, Ваше Высочество, — прямо ответил Шэнь Цинчжоу.

— Вот как? — принцесса с любопытством взглянула сначала на него, а затем на Лю Бэя. — Это как-то связано с Книгой Гор и Морей?

С тех пор как Лю Бэй раскрыл обман с ее «рождением с яшмой в руках», они трое хранили эту великую тайну. Дунфан Цзе поначалу опасалась, что Шэнь Цинчжоу использует это знание против нее, но, узнав его поближе, поняла: этот благородный и честный юноша никогда не опустится до столь низкого шантажа.

Они хранили молчание о существовании Книги, но раз уж он заговорил о ней сам, значит, стряслось нечто действительно важное.

Шэнь Цинчжоу в общих чертах поведал им о схватке с Таоте, умолчав лишь о появлении Чжоу

Фу. Вместо этого он уверял, что чудовище, завидев, как его кровь исцеляет поврежденные страницы Книги Гор и Морей, по непонятной причине бросилось наутек.

Лю Бэй молча кивал, слушая его рассказ. «Похоже, проклятая тварь признала истинного хозяина», — подумал он про себя.

Напоследок Шэнь Цинчжоу упомянул, что после повторного исцеления фолиант бесследно растворился в его теле. Более того, в глубине древних свитков он наткнулся на мощное заклинание, оберегающее обрывок чужой памяти — воспоминания самой основательницы империи, Ли Чжао.

— Воспоминания той девчушки? — заинтригованно переспросил Лю Бэй. — И ты заглянул в них, А-Чжоу?

Юноша покачал головой:

— Нет. Я не вправе прикасаться к ним. Великая Ли Чжао запечатала их для одного конкретного человека, своего потомка.

— И вам известно имя этого наследника? — с живым интересом спросила Дунфан Цзе. — Быть может, моя канцелярия сможет разыскать его?

Шэнь Цинчжоу пристально посмотрел ей в глаза и мягко ответил:

— Искать не придется, Ваше Высочество. Этот потомок — вы.

— Я?! — Дунфан Цзе на мгновение онемела, а затем она гневно нахмурилась, и тяжелая, давящая аура волной обрушилась на юношу. — Глава Шэнь, вы забываетесь! Не вздумали ли вы шутить со мной?

Шэнь Цинчжоу слегка склонил голову, ничуть не колеблясь под этим напором:

— У меня и в мыслях не было лгать вам, принцесса.

Дунфан Цзе лишь притворялась разгневанной, желая испытать его волю. Увидев, что юноша держится с неизменным достоинством и спокойствием, она прониклась к нему еще большим уважением.

Шэнь Цинчжоу достал из широкого рукава изящный серебряный браслет. Стоило ему разжать пальцы, как безделушка, словно живая птица, стремящаяся к родному гнезду, устремилась прямо к груди принцессы.

Дунфан Цзе инстинктивно отступила на полшага назад и выставила невидимый щит из духовной силы, заставив браслет застыть в воздухе.

— Что это?..

— В этом украшении сокрыта память вашей великой предшественницы, — пояснил Шэнь Цинчжоу. — Если бы я не сдерживал его чарами, оно слилось бы с вашей душой в ту самую секунду, как вы подошли ближе.

Поблагодарив юношу, Дунфан Цзе сделала легкий пас рукой, спрятав браслет в рукаве с помощью пространственного заклинания. Хотя она и не сомневалась в честности Шэнь Цинчжоу, осторожность требовала сперва тщательно изучить артефакт, прежде чем открывать свой разум древнему наследию.

Когда последние тревоги улеглись, Лю Бэй мягко посмотрел на юношу.

— Ну что, А-Чжоу, — тихо проговорил призрак. — Давай еще немного пройдемся вместе.

<http://bllate.org/book/18428/1865372>